

Н. Шют

Крысолов

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Н11

Н. Шют
Н11 Крысолов / Н. Шют – М.: Книга по Требованию, 2022. – 170 с.

ISBN 978-5-4241-1947-7

Один из лучших романов писателя.
Действие происходит во Франции во времена гитлеровской оккупации.
Старый англичанин оказывается в ответе за группу детей.

ISBN 978-5-4241-1947-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022
© Н. Шют, 2022

Невил Шют
КРЫСОЛОВ

Его зовут Джон Сидней Хоуард, мы с ним члены одного и того же лондонского клуба. В тот вечер я пришел туда ужинать около восьми, усталый после долгого дня и нескончаемых разговоров о моих взглядах на войну. Он входил в клуб впереди меня — высокий измощденный человек лет семидесяти с несколько нетвердой походкой. В дверях он зацепился за коврик, споткнулся и чуть не упал; швейцар подскочил и подхватил его под локоть.

Старик посмотрел на коврик и ткнул в него зонтом.

— Черт, зацепился носком, — сказал он. — Спасибо, Питерс. Видно, старею.

Швейцар улыбнулся.

— Многие джентльмены спотыкаются тут в последнее время, сэр. Я только на днях говорил об этом управляющему.

— Ну, так скажите еще раз и повторяйте до тех пор, пока он не наведет порядок, — сказал старик. — В один прекрасный день я упаду мертвый к вашим ногам. Вам же этого не хочется, а? — Он чуть усмехнулся.

— Совсем не хочется, сэр, — сказал швейцар.

— Надо думать. Очень неприятно, когда такое случается в клубе. Не хотел бы я умереть на коврике у порога. И в уборной не хотел бы. Помните, Питерс, как полковник Макферсон умер в уборной?

— Помню, сэр. Это был весьма прискорбный случай.

— Да... — Старик немного помолчал. Потом прибавил: — Да, в уборной я тоже не хочу умереть. Так что смотрите, пускай коврик приведут в порядок. Передайте от меня управляющему.

— Непременно, сэр.

Старик двинулся дальше. Я ждал, пока их беседа кончится, надо было получить у швейцара письма. Он вернулся за перегородку, подал мне мою почту в окошко, и я стал ее просматривать.

— Кто этот старик? — спросил я от нечего делать.

— Это мистер Хоуард, сэр, — ответил швейцар.

— Он, кажется, очень озабочен тем, какая именно кончина его ждет.

Швейцар не улыбнулся.

— Да, сэр. Многие джентльмены говорят так, когда начинают стареть. Мистер Хоуард очень много лет состоит членом нашего клуба.

— Вот как? — сказал я более почтительно. — Не помню, чтобы я его тут встречал.

— Кажется, он провел последние месяцы за границей, сэр, — объяснил швейцар. — А как вернулся, сильно постарел. Боюсь, его не надолго хватит.

— В его возрасте эта проклятая война дается нелегко, — сказал я, отходя.

— Совершенно верно, сэр.

Я прошел в клуб, повесил на вешалку свой противогаз, отстегнул портупею, повесил туда же и увенчал все это фуражкой. Потом подошел к витрине и просмотрел последнюю сводку. Ничего особо хорошего или плохого. Наша авиация все еще крепко бомбила Рур; Румыния все еще отчаянно грызлась с соседями. Сводка была такая же, как все последние три месяца после оккупации Франции.

Я пошел ужинать. Хоуард был уже в столовой; кроме нас там почти никого

не оказалось. Ему прислуживал официант чуть ли не такой же старый, как он сам, и пока он ел, официант стоял подле и разговаривал с ним. Я невольно прислушался. Они говорили о крикете, заново переживали состязания 1925 года.

Я ужинал в одиночестве, а потому кончил раньше Хоуарда и подошел к конторке уплатить по счету. И сказал кассиру:

— Этот официант... как его...

— Джексон, сэр?

— Да, верно... Он давно здесь служит?

— Очень давно. Можно сказать, всю жизнь. По-моему, он поступил сюда то ли в девяносто пятом, то ли в девяносто шестом.

— Срок немалый.

Кассир улыбнулся, отдал мне сдачу.

— Да, сэр. Но вот Порсон, тот служит у нас еще дольше.

Я поднялся в курительную и остановился у стола, заваленного газетами. От нечего делать начал листать список членов клуба. Хоуард, увидел я, стал членом клуба в 1896 году. Значит, он и тот официант провели бок о бок всю свою жизнь.

Я взял со стола несколько иллюстрированных еженедельников и заказал кофе. Потом направился в угол, где стояли рядом два кресла, самые удобные во всем клубе, и собрался часок отдохнуть, домой вернуться успею. Через несколько минут рядом послышались шаги, и в соседнее кресло погрузился долговязый Хоуард. Служитель, не ожидая заказа, принес ему кофе и коньяк.

Чуть погодя старик заговорил.

— Просто поразительно, — сказал он негромко. — В нашей стране нельзя получить чашку приличного кофе. Даже в таком вот клубе не умеют приготовить кофе.

Я отложил газету. Если старику хочется поговорить, я не против. Весь день я проторчал у себя в старомодном кабинете, не поднимая головы читал отчеты и составлял докладные записки. Приятно отложить на время очки и дать отдых глазам. Я изрядно устал.

— Один сведущий человек говорил мне, что молотый кофе не сохраняется в нашем климате, — сказал я, нашупывая в кармане футляр от очков. — Из-за сырости или что-то в этом роде.

— Молотый кофе портится во всяком климате, — наставительно сказал старики. — Вы никогда не выпьете порядочного кофе, если покупаете молотый. Надо покупать зерна и молоть только перед тем, как варить. Но здесь этим не занимаются.

Он еще порассуждал о кофе, о цикории. Потом, вполне естественно, заговорили о коньяке. Старики одобрил тот, что подавали в клубе.

— Я сам когда-то занимался винами, — сказал он. — Много лет назад, в Эксетере. Но оставил это вскоре после прошлой войны.

Я решил, что он, должно быть, состоял в клубной комиссии по винам.

— Вероятно, это довольно интересное дело, — заметил я.

— Ну, еще бы, — сказал он со вкусом. — Разбираться в хороших винах очень интересно, можете мне поверить.

Мы были почти совсем одни в просторной комнате с высоким потолком. Разговаривали негромко, откинувшись в креслах, порой надолго замолкали. Когда очень устанешь, вот такая мирная беседа — большое удовольствие, ее

смакуешь понемножку, словно старый коньяк.

— Мальчиком я часто бывал в Эксетере, — сказал я.

— Я-то прекрасно знаю Эксетер, — сказал Хоуард. — Прожил там сорок лет.

— У моего дяди был дом на Стар-кросс, — и я назвал фамилию дяди.

Старик улыбнулся.

— Я вел его дела. Мы были большими друзьями. Но это было очень давно.

— Вели его дела?

— То есть наша фирма вела. Я был компаньоном адвокатской конторы «Фулджеимс и Хоуард».

Тут он пустился в воспоминания и немало порассказал мне о моем дядюшке и его семействе, о его лошадях и арендаторах. Разговор все больше превращался в монолог; я вставлял два-три слова, и этого было довольно. Старик негромко рисовал почти забытые мною картины, дни, что ушли безвозвратно, — дни моего детства.

Я откинулся в кресле, спокойно покуривал, и усталость моя проходила. Постилине мне повезло, не часто встретишь человека, способного говорить о чем-то, кроме войны. Сейчас почти все только и думают если не о нынешней войне, так о прошлой, и любой разговор с каким-то болезненным упорством сводят к войне. А этого высохшего старика война словно обошла стороной. Его занимали самые мирные предметы.

Потом речь зашла о рыбной ловле. Оказалось, он страстный рыболов, я тоже удил понемножку. Почти все морские офицеры берут на корабль удочку и ружье. В свободные часы мне случалось ловить рыбу на побережьях всех частей света, но обычно не с такой наживкой, какая полагается, и без особого успеха; зато Хоуард был настоящий знаток. Он побывал с удочкой во всех уголках Англии и чуть ли не на всем континенте. В былые дни деятельность провинциального адвоката отнимала не слишком много времени и сил.

Мы заговорили о рыбной ловле во Франции, и я припомнил собственный опыт.

— Я видел, французы очень занятным способом ловят на муху, — сказал я. — Берут длинную бамбуковую жердь, футов этак в двадцать пять, с леской, но без катушки. Для наживки пользуются мокрой мухой и ведут ее по бурной воде.

— Правильно, — с улыбкой подтвердил Хоуард. — Именно так и делают. Где вы видели такую ловлю?

— Около Гекса, — сказал я. — Собственно, в Швейцарии.

Он задумчиво улыбнулся.

— Мне хорошо знакомы эти места... очень хорошо. Вы знаете Сен-Клод?

Я покачал головой:

— Юрю я не знаю. Это, кажется, где-то возле Мореза?

— Да... недалеко от Мореза. — Он помолчал; мы остались вдвоем, в комнате было тихо, спокойно. Потом старик сказал: — Этим летом я хотел испробовать такую ловлю на муху в тамошних ручьях. Неплохое развлечение. Надо знать, куда рыба идет кормиться. Нельзя просто забрасывать муху как попало. Нужно вести ее так же осторожно, как искусственную.

— Стратегия, — сказал я.

— Вот именно. В сущности, стратегия в том и состоит.

Мы снова мирно помолчали. Потом я сказал:

— Не скоро мы опять сможем ловить рыбу в тех краях.

Так на сей раз я сам перевел разговор на войну. Нелегко обойти эту тему.

— Да… и это очень жаль, — сказал старик. — Мне пришлось уехать, когда рыба еще не ловилась. До самого конца мая клев никудышный. Ручьи еще совсем мутные и слишком полноводные — снег тает, понимаете. Позже, в августе, ручьи мелеют, да и жара. Лучшее время — середина июня.

Я повернулся к нему.

— Вы ездили туда в этом году? — Конец мая, о котором он упомянул вскользь, это время, когда немцы через Голландию и Бельгию вторглись во Францию, когда мы отступали к Дюнкерку, а французы были отброшены к Парижу и за Париж. Казалось бы, не слишком подходящее время для старика удить рыбу посреди Франции.

— Я выехал в апреле, — сказал он. — Думал провести там все лето, но пришлось уехать раньше.

Я удивленно посмотрел на него, невольно улыбнулся.

— Трудно было возвращаться?

— Нет, — сказал он, — не особенно.

— Наверно, у вас была машина?

— Нет, — сказал он. — Машины не было. Я плохой водитель, несколько лет назад пришлось от этого отказаться. Глаза уже не те.

— Когда же вы уехали из Юрьи? — спросил я.

— Одиннадцатого июня, — сказал он, подумав. — Как будто так.

Я в недоумении поднял брови:

— И поезда шли по расписанию?

По моей работе мне хорошо известно было, что творилось в те дни во Франции.

Хоуард улыбнулся, сказал задумчиво:

— С поездами было неважно.

— Как же вы оттуда выбрались?

— По большей части пешком.

В эту минуту послышалось мерное «трах… трах… трах… трах…» четыре разрыва подряд не больше, чем в милю от нас. Прочное каменное здание клуба качнулось, полы и оконные рамы заскрипели. Мы молча, напряженно ждали. Потом протяжно завыли сирены и резко затрещали зенитки. Начался очередной налет.

— Черт подери, — сказал я. — Что будем делать?

Старик невозмутимо улыбнулся:

— Я останусь здесь.

Это было разумно. Пренебрегать опасностью только ради того, чтобы избежать неудобств, глупо, но ведь над нами три солидных перекрытия. Мы порассуждали об этом, разглядывая потолок и прикидывая, выдержит ли он, если обвалится крыша. Но с места не двинулись.

Вошел молодой официант с фонарем и каской в руках.

— Убежище внизу, ход через кладовую, джентльмены, — сказал он.

— А это обязательно — идти в убежище? — спросил Хоуард.

— Нет, только если пожелаете.

— А вы пойдете вниз, Эндрюс? — спросил я.

— Нет, сэр. Я иду на свой пост, вдруг зажигательная бомба попадет, мало ли

что.

— Ну, идите, — сказал я. — Делайте свое дело. А когда найдется свободная минутка, принесите мне марсалы. Но сперва идите на пост.

— Неплохая мысль, — сказал Хоуард. — Между зажигательными бомбами принесите и мне стакан марсалы. Я буду здесь.

— Хорошо, сэр.

Он ушел, а мы опять откинулись на спинки кресел. Было около половины одиннадцатого. Официант погасил все лампы, кроме настольной позади нас, и мы оказались в маленьком овале мягкого золотистого света посреди большой темной комнаты. За окнами шум уличного движения, и так не очень оживленного в Лондоне тех дней, совсем утих. В отдалении послышались два-три полицейских свистка, промчался автомобиль; потом Пэлл-Мэлл всю, из конца в конец, окутала тишина, только вдалеке стреляли зенитки.

— Как вы думаете, долго нам придется тут сидеть? — спросил Хоуард.

— Пока это не кончится, я думаю. Последний налет продолжался четыре часа. — Я помолчал, потом спросил: — Кто-нибудь о вас будет беспокоиться?

— Нет-нет, — как-то даже торопливо ответил он. — Я живу один... в меблированных комнатах.

Я кивнул.

— Моя жена знает, что я здесь. Я бы ей позвонил, но не годится занимать телефон во время налета.

— Да, в это время просят не звонить, — сказал он.

Вскоре Эндрюс принес марсалу. Когда он вышел, Хоуард поднял бокал и посмотрел вино на свет.

— Что ж, это не самый неприятный способ пересидеть налет, — заметил он.

— Да, верно. — Я не сдержал улыбки. Потом повернулся к нему. — Значит, когда все это началось, вы были во Франции. Пришлось там пережить много налетов?

Он отставил почти полный бокал.

— Не настоящие налеты. Несколько бомбек и пулеметных обстрелов на дорогах, но ничего страшного.

Он сказал это так спокойно, что я не сразу его понял. Потом решился заметить:

— Видно, вы были большим оптимистом, если в апреле этого года отправились во Францию удить рыбу.

— Да, пожалуй, — ответил он задумчиво. — Но мне хотелось поехать.

Он сказал, что весной этого года потерял покой и его мучила неодолимая потребность уехать, переменить обстановку. Он не стал объяснять, отчего им так завладела жажда перемен, сказал только, что хотел в военное время быть полезным, но никакого дела найти не удалось.

Вероятно, его никуда не принимали, потому что ему было под семьдесят. Когда разразилась война, он пытался поступить во Вспомогательную полицию; ему казалось, на этой службе пригодится его знание законов. В полиции думали иначе, там требовались стражи порядка помоложе. Потом он обратился в противовоздушную оборону и потерпел еще одну неудачу. Напрасны оказались и другие попытки.

Война — тяжелое время для старых людей, особенно для мужчин. Им трудно примириться с тем, что от них слишком мало пользы; они терзаются сознанием

своего бессилия. Хоуард всю свою жизнь приспособил к передачам последних известий по радио. По утрам вставал к семичасовой сводке, потом принимал ванну, брился, одевался и шел слушать восьмичасовой выпуск, и так весь день, вплоть до полуночной передачи, после которой он укладывался в постель. В перерывах между передачами он тревожился из-за услышанного и прочитывал все газеты, какие только мог достать, пока не подходило время опять включить радио.

Война застала его за городом. У него был дом в Маркет-Сафроне, неподалеку от Колчестера. Он переехал туда из Эксетера четырьмя годами раньше, после смерти жены; когда-то, в детстве, он жил в Маркет-Сафроне, и у него еще сохранились кое-какие знакомства среди соседей. И он вернулся туда, думая провести там остаток жизни. Купил участок в три акра с небольшим старым домом, садом и выгоном.

В 1938 году к нему приехала из Америки замужняя дочь с маленьkim сыном. Она была замужем за нью-йоркским дельцом по фамилии Костелло, вице-президентом страхового общества, очень богатым человеком. И отчего-то с ним не поладила. Хоуард не знал всех «отчего и почему» этой размолвки и не слишком на этот счет беспокоился: втайне он полагал, что дочь сама во всем виновата. Он любил зятя. И хоть совершенно его не понимал, все равно Костелло был ему по душе.

Так он жил, когда началась война, с дочерью Инид и ее сынишкой Мартином; отец упорно называл мальчика не по имени, а «Костелло-младший», что приводило старика в полнейшее недоумение.

Грянула война, и Костелло стал слать телеграмму за телеграммой, настаивая, чтобы жена с сыном вернулись домой, на Лонг-Айленд. И в конце концов они уехали. Хоуард поддерживал зятя и торопил дочь, убежденный, что женщина не может быть счастлива врозь с мужем. Они уехали, а он остался один в Маркет-Сафроне; изредка на субботу и воскресенье к нему приезжал его сын Джон, командир авиаэскадрильи.

Длиннейшими телеграммами по нескольку сот слов Костелло старался убедить старику тоже приехать в Америку. Но тщетно. Старик боялся оказаться лишним, боялся помешать примирению. Так он сказал, но тут же признался, что настоящая причина была в другом: он не любит Америку. В первый год после свадьбы дочери он пересек Атлантический океан и погостили у них, и ему вовсе не хотелось проделать это еще раз. Почти семьдесят лет он прожил в более ровном климате, а в Нью-Йорке ему докучали то невыносимая жара, то отчаянный холод, и недоставало мелких условностей, к которым он привык в нашей старозаветной Англии. Ему нравился зять, он любил дочь, а их мальчик занимал в его жизни едва ли не главное место. Но ничто не заставило его променять комфорт и безопасность Англии, вступившей в смертельную борьбу, на неудобства чужой страны, наслаждавшейся миром.

Итак, в октябре Инид с мальчиком уехали. Хоуард проводил их до Ливерпуля, посадил на пароход и вернулся домой. С тех пор он жил совсем один, только его вдовая сестра провела у него три недели перед Рождеством, да изредка его навещал Джон, приезжал из Линкольншира, где командовал эскадрильей бомбардировщиков «веллингтон».

Конечно, старику жилось очень одиноко. В обычное время ему было бы до-

вольно охоты на уток и сада. В сущности, объяснил он мне, сад куда интереснее зимой, чем летом, ведь это — время, когда можно что-то менять и совершенствовать. Если хочешь пересадить дерево, или завести новую живую изгородь, или убрать старую, это надо делать именно зимой. Работа в саду доставляла ему истинное наслаждение, вечно он затевал что-нибудь новенькое.

Война все испортила. В мысли поминутно врывались сообщения с фронта, и мирные сельские занятия уже не радовали. Тяготила бездеятельность, Хоурд чувствовал себя бесполезным и едва ли не впервые в жизни не знал, как убить время. Однажды он излил свою досаду перед викарием, и этот целитель страждущих душ посоветовал ему заняться вязаньем для армии.

После этого он три дня в неделю стал проводить в Лондоне. Снял маленький номер в меблированных комнатах, а питался главным образом в клубе. На душе немного полегчало. Поездка в Лондон по вторникам отнимала почти весь день, возвращение в пятницу — еще день; тем временем накапливались разные дела в Маркет-Сафоне, так что и на субботу и воскресенье хлопот хватало. Он внушал себе, что все-таки не сидит сложа руки, и почувствовал себя лучше.

Потом, в начале марта, что-то случилось и перевернуло всю его жизнь. Он не сказал мне, что это было.

Тогда он запер дом в Маркет-Сафоне, переселился в Лондон. И почти безвыходно жил в клубе. Недели на две, на три дел хватило, а потом снова стало непонятно, куда девать время. И все еще не удавалось найти место, где он был бы полезен в дни войны.

Настала весна — чудо что была за весна. Словно распахнулась дверь после той нашей суровой зимы. Каждый день Хоурд шел погулять в Хайд-парк или Кенсингтон-Гарденс и смотрел, как растут крокусы и нарциссы. Клубный распорядок жизни вполне ему подходил. Той чудесной весной, гуляя в парке, он думал, что жить в Лондоне совсем неплохо, если можно куда-нибудь изредка и уехать.

Чем жарче грело солнце, тем неотступней становилось желание хоть ненадолго уехать из Англии.

В сущности, казалось, почему бы и не уехать. Война в Финляндии закончилась, и на западном фронте, похоже, все замерло. Во Франции жизнь шла вполне нормальная, только в иные дни был ограничен выбор блюд. Вот тогда-то он начал подумывать о поездке на Юру.

Горные альпийские долины стали уже слишком высоки для него; тремя годами раньше он ездил в Понтресину, и там давала себя знать одышка. Но весенние цветы так же хороши во Французской Юре, как и в Швейцарии, а с высот над Ле Рус виден Монблан. Старика неодолимо тянуло туда, где видны горы. «Возвожу очи мои к горам, откуда придет помочь моя»¹, — процитировал он. Такое у него тогда было чувство.

Он думал, что приедет как раз вовремя и увидит, как из-под снега пробиваются цветы; а если провести там месяца два, солнце станет пригревать и наступит пора рыбной ловли. Он заранее предвкушал, как будет удить рыбу в тамошних горных ручьях. Они очень чистые, сказал он, очень светлые и спокойные.

Он хотел в этом году видеть весну, хотел насытиться созерцанием весны. Жаждал увидеть, как приходит новая жизнь на смену тому, что прошло. Жаждал все это впитать. Увидеть, как зацветает боярышник по берегам рек, увидеть первые крокусы в полях. Увидеть, как сквозь мертвую прошлогоднюю поросль

пробиваются у кромки воды молодые побеги тростника. Жаждал ощутить тепло обновленного солнца и свежесть обновленного воздуха. Жаждал насладиться всем, что несла весна, — всей весною сполна. После того, что с ним случилось, он этого жаждал больше всего на свете.

Потому-то он и поехал во Францию.

Выехать из Англии оказалось легче, чем он предполагал. Он обратился в агентство Кука, и там ему сказали, как действовать. Нужно разрешение на выезд, и получить это разрешение он должен сам, лично. Чиновник спросил его, почему он хочет уехать за границу.

Старик Хоуард откашлялся.

— Весной для меня в Англии погода неподходящая, — сказал он. — Я провел зиму взаперти. Доктор мне предписал более теплый климат.

Он заранее запасся свидетельством, которое дал ему любезный врач.

— Понимаю, — сказал чиновник. — Вы собираетесь на юг Франции?

— Не прямо на юг, — ответил Хоуард. — Я проведу несколько дней в Дижоне, а на Юору поеду, как только растает снег.

Чиновник выписал разрешение выехать на три месяца для поправки здоровья. Не так уж это было сложно.

Потом старик провел два бесконечно счастливых дня в магазине Харди на Пэлл-Мэлл, где торгуют рыболовной счастью. Он проводил там неторопливых полчаса утром и полчаса вечером, а в промежутке перебирал покупки, мечтал, как будет удить рыбу, и прикидывал, что еще купить...

Он выехал из Лондона утром десятого апреля, в то самое утро, когда стало известно, что немцы вторглись в Данию и Норвегию. Он прочел газету в поезде по пути в Дувр, и новость не взволновала его. Месяцем раньше он был бы вне себя, кидался бы от радио к газетам и снова к радио. Теперь это его словно и не касалось. Куда больше его занимало, достаточно ли он везет с собой крючков и лесок. Правда, он хотел остановиться на день-два в Париже, но французская леса, сказал он, просто никудышная. Французы в этом ничего не понимают, делают лесу такую толстую, что рыба непременно ее заметит, даже при ловле на муху.

До Парижа ехать было не слишком удобно. Хоуард сел на пароход в Фолкстонском порту около одиннадцати утра, и ониостояли там чуть не до вечера. Траулеры и катера, ялики и яхты, сплошь выкрашенные в серое и с командой из военных моряков, сновали взад и вперед, но пароход, крейсирующий через Канал, все стоял у пристани. Он был переполнен, за завтраком не хватало стульев, а для тех, кто нашел место, не хватало еды. Никто не мог объяснить пассажирам, из-за чего такое опоздание, но можно было догадаться, что где-то рыщет подводная лодка.

Около четырех часов с моря донеслось несколько тяжелых взрывов, и вскоре после этого пароход отчалил.

Когда прибыли в Булонь, уже совсем стемнело и все шло довольно бестолково. Из-за тусклого света досмотр в таможне тянулся бесконечно, к пароходу не подали поезд, не хватало носильщиков. Хоуарду пришлось доехать на такси до вокзала и ждать ближайшего, девятиваскового поезда на Париж. А этот поезд был переполнен, еле тащился, останавливался на каждой станции. Только во втором часу ночи наконец прибыли в Париж.